

правами, во-вторых, он позволит конкретизировать содержание процессуальных прав участников уголовного судопроиз-

водства, определить пределы реализации данных прав и оптимизировать механизм их осуществления.

Стельмах В.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_125

кандидат юридических наук, доцент
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Возможно ли процессуальное задержание лиц, указанных в статье 449 УПК РФ?

В Российской Федерации все равны перед законом и судом. Порядок уголовного судопроизводства является единым и, как правило, не зависит ни от субъективных свойств лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, ни от категории преступления.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон выделяет группу субъектов, наделенных так называемым иммунитетом (неприкосновенностью) от уголовного преследования. Эти субъекты перечислены в ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Неприкосновенность предоставляется лицам, осуществляющим важные виды публично-правовой деятельности и представляет собой не личную привилегию, а прежде всего гарантию независимости лица при выполнении своей деятельности.

Иммунитет предполагает усложнение уголовного преследования по сравнению с обычным порядком судопроизводства. Лица, перечисленные в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, обладают разным объемом иммунитета. В отношении одних отличия от общего порядка заключаются исключительно в том, что возбуждение уголовного дела производится руководителем следственного органа определенного уровня (по субъекту Российской Федерации или руководством центрального аппарата). В отношении других иммунитет предполагает усложнение возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Кроме того, в ст. 449 УПК РФ перечислены лица, обладающие иммунитетом от уголовно-процессуального задержания. Это сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, судьи всех федеральных судов, мировые судьи, прокуроры, Председатель Счет-

ной палаты Российской Федерации, его заместители, аудиторы Счетной палаты, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий.

Во-первых, необходимо отметить разницу в правовой регламентации задержания многих из названных субъектов.

Касательно задержания в ст. 449 УПК РФ употреблена следующая формулировка: данные лица, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91 УПК РФ, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности.

УПК РФ говорит только об уголовно-процессуальном, а не о физическом («уличном») задержании указанных субъектов. Очевидно, что непосредственное ограничение свободы лица, находящегося, например, в общественном месте, и совершающем действия, образующие объективную сторону состава преступления, нельзя расценивать как процессуальное задержание.

Вместе с тем другие законы резко ограничивают возможность не только процессуального, но физического задержания упомянутых субъектов. Так, ч. 5 ст. 16 закона «О статусе судей в Российской Федерации» запрещает личный досмотр судьи (кроме прямо предусмотренных законом случаев, когда это требуется для обеспечения безопасности других людей). Кроме того, задержание судьи по подозрению в совершении преступления либо принудительное доставление в любой государственный орган допускается, только если личность судьи

не могла быть известна в момент задержания, а после установления личности он подлежит немедленному освобождению.

Примечательно, что в отношении судей Конституционного Суда РФ действует несколько иной порядок, причем установлен он весьма специфическим образом. В ч. 1 ст. 15 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» говорится, что гарантии неприкосновенности судей Конституционного Суда установлены Законом «О статусе судей в Российской Федерации», то есть каких-либо особых правил, отличных от тех, что предусмотрены для всех судей, данный федеральный конституционный закон не содержит (то есть судья Конституционного Суда РФ, задержанный за совершение преступления, подлежит освобождению непосредственно после установления его личности). Вместе с тем в § 11 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации говорится, что в случае задержания судьи Конституционного Суда РФ на месте преступления Председатель Конституционного Суда РФ незамедлительно созывает заседание Конституционного Суда РФ, которое проводится в течение 24 часов с момента, когда в Конституционном Суде РФ стало известно о задержании судьи. По результатам заседания Конституционный Суд РФ принимает одно из двух решений: а) потребовать незамедлительного освобождения судьи; б) воздержаться от данного требования.

Следует учитывать, что Регламент Конституционного Суда РФ принимается на основе Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Хотя Регламент сам по себе не равен по юридической силе не только федеральному конституционному, но и «обычному» федеральному закону, в системной связи с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» он составляет единое правовое пространство, в связи с чем при задержании судьи Конституционного Суда РФ должны применяться положения § 11 Регламента. Не вполне ясно, какова юридическая природа этих положений – являются ли они исключительно «доброй

волей» Конституционного Суда, по своей инициативе принявшего повышенные обязательства, не предусмотренные законом, либо они все же напрямую вытекают из смысла закона, и представляют собой единственно возможный вариант правовой регламентации. С одной стороны, очевидно, что Конституционный Суд РФ, сознавая свое исключительное положение в обществе и судебной системе Российской Федерации, добровольно принял нормы, устанавливающие для судей Конституционного Суда РФ стандарты, не только не ниже, но даже гораздо выше обычных. С другой стороны, представляется, что эти стандарты напрямую вытекают из смысла закона, и требуют распространения на судей всех остальных судов, в том числе мировых судей. Конечно, распространение не имеет в виду буквального копирования процедуры, что просто невозможно в силу различной организационной структуры этих судов, а подразумевает обязательность решения вопроса о дальнейшем продлении задержания судьи при согласии компетентного органа.

В п.п. «б» и «в» ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» сформулированы запреты задержания и личного досмотра названных лиц. При этом закон не распространяет этот запрет на случаи задержания сенатора или депутата Государственной Думы на месте преступления.

Несколько по-иному решается вопрос о задержании Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Запрещаются его задержание (кроме случаев задержания на месте совершения преступления) и личный досмотр. При этом в случае задержания Уполномоченного по правам человека на месте преступления должностное лицо, производшее задержание, немедленно уведомляет об этом Государственную Думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры. При неполучении в течение 24 часов согласия Государственной Думы на задержание Уполномоченный по правам человека подлежит немед-

ленному освобождению (ст. 12 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»).

Своеобразный, отличающийся от общего, порядок задержания установлен Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации». Во-первых, иммунитет о задержания распространяется не только на Председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов, но также на инспекторов Счетной палаты. Во-вторых, в законе ничего не говорится о задержании этих должностных лиц на месте преступления, однако фактически подразумевается возможность их задержания с согласия той палаты Федерального Собрания, которая назначила их на должность в Счетную палату (ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»).

Таким образом, сама принципиальная возможность задержания различных субъектов, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, а также условия и порядок задержания отличаются друг от друга. В данном случае нельзя говорить о безусловном приоритете УПК РФ перед федеральными законами, определяющими статус тех или иных субъектов, поскольку если эти законы устанавливают дополнительные правовые гарантии для лиц, в

соответствующей части должны применяться именно указанные законы.

Следует отметить, что ст. 449 УПК РФ теоретически допускает процессуальное задержание названных в ней субъектов при их физическом задержании на месте преступления. Однако эта норма фактически блокируется правилами о получении согласия на задержание от компетентных государственных органов. Совершенно очевидно, что сжатый срок задержания (не более 48 часов) практически стопроцентно исключает реальную возможность получения согласия.

Следовательно, в данное время иммунитет указанных лиц от задержания фактически является абсолютным. Это противоречит демократическому и правовому характеру государства. Очевидно, следует предусмотреть возможность процессуального задержания всех субъектов при их фактическом задержании на месте преступления без какого-либо согласия. Ситуация, при которой задержанный непосредственно при совершении преступления субъект демонстративно освобождается от задержания, неприемлема и способна только дискредитировать систему государственной власти в целом и правоприменительную деятельность в частности.

Лукьянова А.А.

Барнаульский юридический институт МВД России

Задержание подозреваемого: процессуальные пределы

Институт задержания подозреваемого является одним из наглядных примеров использования государственного принуждения в защиту публичных интересов. Необходимостью осуществления государственной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, можно оправдать применение принудительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы правонарушителя.

Бесспорным видится утверждение о том, что только государство обладает исключительной монополией на применение мер принудительного воздействия, влекущих ограничение предоставленных Конституцией РФ прав и свобод¹. Одни и те же принудительные действия, которые в правовом общении между государством и личностью считаются закономерными, неприемлемы в правоотношениях категории «личность – личность».

¹ Макарейко Н.В. пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 35-39.